

ДОН НИГРО

МАРСИААНСКАЯ

ГОТИКА

Дон Нигро

Марсианская готика

«Автор»

Нигро Д.

Марсианская готика / Д. Нигро — «Автор»,

Пять актеров (3 женские и 2 мужские роли). Необычная пьеса, «зеленая». Конфликт сторонников и противников атомной энергетики, показанный через призму семейного разлома. Захватывающая драма, не отпускающая с первой до последней страницы. Пожалуй, возникает аллюзия с «Королем Лиром», хотя здесь не три дочери, а две и любовница в возрасте дочери.

Содержание

Действие первое	6
1	6
2	10
3	13
4	15
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Дон Нигро

Марсианская готика

«Мы заключили союз со смертью, и с преисподнею сделали договор: когда всепорожающий бич будет проходить, он не дойдет до нас, – потому что ложь сделали мы убежищем для себя, и обманом прикроем себя».

Исаия, 28:15

Действующие лица:

СОНЯ – 27 лет

ДЖЕЙНИ- ее сестра, 24 года.

ДОКТОР ПРЕТОРИУС – их отец, 50 лет

НОФСИНГЕР – 42 года

РУТ – 35 лет

Декорация:

Очень простая: письменный стол, стол с деревянными стульями, темное кресло для ПРЕТОРИУСА. Очень часто видны все персонажи. Времена и пространства легко пересекаются. Разделение текста картинками – только для удобства актеров. В постановке разрывов между картинками нет. Каждая плавно перетекает в следующую, потому что все актеры уже на сцене или могут войти или выйти в любом месте и в любой момент, действие непрерывное, без затемнений, кроме специально указанных. Внутри каждого из двух действий остановок нет, переходы – часть пьесы, не допускаются разрывы или паузы. Движение спектакля – его неотъемлемая часть.

Драматург благодарит нижеуказанных за существенную помощь на первых этапах написания этой пьесы: Роберта Ланкастера, Сандру Москович, «Театр Маккартера» в Принстоне, фонд Джеральдины Д. Додж, театр «Энсембл-Студио», фонд Альфреда Р. Слоуна, Лоренса Харбисона из «Сэмюэль Френч, Инк» и Джозефа Нигро.

При любой постановке пьесы на афише должно указываться: «По заказу и поддержке театра «Энсембл-Студио»/научно-технического проекта фонд Альфреда Р. Слоуна».

Действие первое

1

(Свет падает на СОНЮ, очень красивую, хорошо одетую молодую женщину, которая обращается к зрительному залу).

СОНЯ. Я хочу поблагодарить эту женщину, кем бы она ни была, за невнятное представление. Мне особенно нравится, когда говорят обо мне люди, для которых все одно, что я, что Мергл Мактертл. Они рассказывают обо мне столько интересного. Вы выглядите, как представители верхней прослойки среднего класса. Часто я выступаю перед детьми. Позвольте мне, хотя бы на мгновение, предположить, что вы – не дети. Этим я зарабатываю на жизнь. За выступления мне платят очень приличные деньги. Мне платит ваша электросбытовая компания, из денег, которая собирает с вас за использование электричества, то есть в каком-то смысле платите вы, и я должна сказать, что это так мило с вашей стороны, тратить все эти деньги, чтобы я могла красиво одеваться, ездить на немецком спортивном автомобиле и говорить с вами на тему, которая для вас, в той или иной степени, темный лес. А вы думали, все за так? Извините. Чтобы сесть в этот автобус, надо заплатить. Это Америка. Особо хочу поблагодарить вас за то, что вы такие несведущие, потому что задача моя сильно упрощается. И я надеюсь, что делаю эту работу с пониманием, в отличие от богатых знаменитостей, которые чего только не одобряют с экрана телевизора. Дайте им денег, и они будут счастливы расхваливать любое дерьмо. Вы не возражаете, что я говорю «дерьмо»? Я хочу сказать, здесь мы все взрослые. Даже дети. Обычно я не использую слово «дерьмо», но сегодня особый случай. Так «дерьмо» сойдет? Миссис Представляющая? Мергл? Миссис Мактертл? Вас «дерьмо» не шокирует? Это хорошо. Я уже подумала, что все в порядке, но тут «Матери за чистоту языка» начали выходить из леса, а «Христианские женщины благопристойной фаланги» – забираться в постели к нацистам, вот уверенности у меня и поубавилось. Ох! Извините. Отклонилась я от заготовленной речи. Балансирую на грани противоречивости. Мчусь по старой прибрежной автостраде к забвению. Этого мне делать не положено. Я должна вас обнадежить. Позвольте мне вновь увлечь вас, если вы отвлеклись, но я знаю, не так вы и отвлеклись, особенно мужчины, потому что у меня очень красивые ноги, видите? Вот. Внимание мужчин я привлекла. А как быть с женщинами? Я знаю. Покажу вам свою семью.

(Когда она достает фотографии, появляется ДЖЕЙНИ, садится на пол, скрестив ноги, читает книгу. Она красивая, свеженькая, в футболке и джинсах).

СОНЯ. Это моя сестра, Джейни. На три года моложе меня. Красотка, правда? И без мозгов. Между ушей вакуум, благодаря которому нет морщин на лице. Я воспитывала ее сама, так что, возможно, вина в этом моя. У меня мозгов на двоих, вот и не было у нее шанса упражнять свои. Сегодня у нее свадьба, поэтому я так хорошо одета. Вы же подумали, что я так разоделась для вас? Шутка. Я всегда разодела. Одеваюсь даже перед тем, как принять душ. Я образцовая, постоянно работающая кукла пресс-секретарь, кукла Соня Преториус. Она ходит, говорит, зарабатывает много денег, а у ее сестры нет мозгов.

(Когда СОНЯ показывает другую фотографию, появляется ПРЕТОРИУС, молодой мужчина лет пятидесяти. Садится в кресло, задумавшись, на лице обеспокоенность).

СОНЯ. Это мой отец. Представительный мужчина, правда? Мозги у меня от него, отчасти и внешность, но все остальное от моей матери, которая не проявила достаточной сознательности, умерев, когда мне было десять, а Джейни – семь. Спасибо тебе большое, мама.

(Показывает еще фотографию, но на сцене никто не появляется).

Это моя мать. Сногшибательная красавица. Я помню, как одним весенним днем, когда я была совсем маленькой, она взяла меня на прогулку вдоль бесконечной изгороди, усыпанной желтыми цветами, в Принстоне, штат Нью-Джерси. Мы с Джейни там выросли. Мой отец – физик-ядерщик. Вы могли слышать о нем, если бы читали что-нибудь, помимо «Ти-ви гада», в чем я сомневаюсь. Это нормально. Будьте глупыми. Я не возражаю. Просто шучу. Хотите вновь посмотреть на мои ноги?

ПРЕТОРИУС. Соня.

СОНЯ. Мой отец преподавал, да и теперь время от времени преподает в Принстонском университете, поэтому я обладала зарядом высоких энергий еще до того, как выскользнула из чрева моей матери. Джейни, с другой стороны, бросила школу, чтобы жить среди китов или что-то такое. Точно я для себя это так и не уяснила. Она пыталась научить их петь оперные арии или чему-то не менее полезному. Впервые узнав, что она выходит замуж, я не сомневалась, что счастливчик – морж, или буйвол, или какой-нибудь зверь из Красной книги. Джейни на удивление хорошо ладит с животными. Единственное исключение – шимпанзе, которые чуть умнее, чем она. Но достаточно личного. Давайте к делу. Ваша дружественная электросбытовая компания платит мне огромные деньги за выступления перед такими милыми людьми, как вы, в школах, церквях, благотворительных организациях, чтобы рассказывать вам, какое это чудо – атомная энергия. Я раздаю множество интервью. Я очень хорошо смотрюсь на экране телевизора: фотогеничная, красноречивая, уверенная в себе. Все газетчики меня ненавидят. Если на то пошло, я интеллектуальная группа поддержки высоких энергий. В старшей школе Джейни выступала в группе поддержки, но ушла, потому что интеллектуальная нагрузка оказалась слишком высокой. Вы понимаете, произношение любого слова по буквам для нее проблема, если букв этим больше трех. Период выступлений с группой поддержки перетек в менструальный, а потом в период «Спасти морскую выдру», который сильно затянулся. Собственно она и сейчас спасает этих маленьких пушистиков, передними лапами раскрывающих раковины на скалах.

ДЖЕЙНИ. У меня проблема с обучением чтению.

СОНЯ. Что, что?

ДЖЕЙНИ. Я не глупая. У меня дислексия. А ты относишься ко мне, как к глупой.

СОНЯ. Я не отношусь к тебе, как к глупой. Приведи хоть один пример, когда я отнеслась к тебе, как к глупой. Ты знаешь такой пример?

ДЖЕЙНИ. Пошла ты на хрен, Соня.

СОНЯ. Многим хотелось, что я там оказалась.

ДЖЕЙНИ. Но мало у кого получилось. Если такие и были.

СОНЯ. И как мне тебя понимать?

ДЖЕЙНИ. Требуется ледокол Береговой охраны, чтобы пробить твой пояс верности.

СОНЯ. В отличие от тебя, Джейни. Я уверена, что вся Береговая охрана швартовалась в твоей гавани.

ДЖЕЙНИ. Ты считаешь распушенной любую, которой бедра не соединены хирургически.

СОНЯ. Джейни, мы не хотим этого слышать.

ДЖЕЙНИ. Конечно, ты хочешь, чтобы такие, как я, молчали в тряпочку, чтобы ты могла запустить свой драгоценный атомный реактор, и мы все получили бы дешевое электричество для наших радиоактивных домов.

СОНЯ. Атомные станции абсолютно безопасны.

ДЖЕЙНИ. Да и электричество это не такое дешевое. Почему ты не скажем им, что счета за электричество возрастут на четыреста процентов, чтобы оплатить это чертово чудовище, в строительстве которого они и не нуждались.

СОНЯ. Высокие тарифы за электричество – всего лишь временный экономический феномен.

ДЖЕЙНИ. Как и голодание до смерти.

СОНЯ. Никто не голодает до смерти.

ДЖЕЙНИ. Никто из тех, с кем ты общаешься. При твоём жаловании тебе нет нужды тревожиться из-за счетов за электричество.

СОНЯ. Я не чувствую себя виноватой, получая хорошие деньги за то, что считаю важным. Мы не можем допустить, чтобы неожиданно высокие цены за атомную энергию напугали нас до такой степени, что мы отказались бы от нашего будущего.

ДЖЕЙНИ. Именно здесь мы поем государственный гимн?

СОНЯ. Если такие люди, как вы, блокируете открытие наших электростанций, это стоит денег налогоплательщикам. Если вы просто не будете мешать строительству, цены обязательно пойдут вниз.

ДЖЕЙНИ. Для кого? Для наших трехголовых внуков? Атомные электростанции начинают разваливаться, едва они построены, а земля, на которой вы их строите, загрязняется навеки.

СОНЯ. Не лезь в это, Джейни. Это моя работа, ясно? (*Поворачивается к зрительному залу*). Многое из того, что тревожит таких обычных людей, как вы, по части атомной энергии, обусловлено полнейшим непониманием процессов, лежащих в основе ее получения, а на самом деле все достаточно просто. Все в этом мире состоит из крохотных частиц, которые называются атомами.

ДЖЕЙНИ. Господи Иисусе.

СОНЯ. И когда вы делите атомы рядом с другими атомами, начинается цепная реакция. Все равно, что шарики для пинг-понга летают в аквариуме, выстреливаемые из мышеловок, как в старом диснеевском фильме. Помните его? Множественные столкновения этих шариков генерируют очень много тепла, которого вполне достаточно, чтобы горячий пар крутил гигантскую турбину, вырабатывая электричество.

ДЖЕЙНИ. Прекрасный способ потратить пятьдесят миллиардов долларов и произвести сотни самых разных смертоносных радиоактивных изотопов, которые вызывают мутации генов, внутриутробные уродства и раковые заболевания, а потом еще двадцать тысяч лет продолжают убивать детей, и все для того, чтобы превратить воду в пар самым неэффективным и опасным способом. Впрочем, несколько говнюков при этом становятся богачами.

СОНЯ. Ты прочитала это в книге комиксов?

ДЖЕЙНИ. Мне жаль тебя, Соня.

СОНЯ. Когда ты стала такой умной, чтобы смотреть на меня свысока?

ДЖЕЙНИ. Ты вдруг уделила мне достаточно внимания, чтобы это заметить?

СОНЯ. Я уделяю тебе внимание с самого твоего рождения. Не моя вина, что ты прекратилась в распущенную, невежественную, визгливую маленькую сумасбродку, оговаривающую людей, которых не знает, и отрасль промышленности, которую не способна понять, только для того, чтобы привлечь к себе внимание и создать иллюзию, у тебя есть голова на плечах, вместо того, чтобы благодарить Бога, создавшего хороших людей, вроде нашего отца, которые посвятили жизнь исследованиям, направленных на благо человечества. Эти исследования облегчают и делают безопаснее жизнь каждого из нас...

ДЖЕЙНИ. Скорее, обогащают избранных, убивают всех остальных и безвозвратно загрязняют места, где они живут.

СОНЯ. Я работаю у хороших людей. Они – не чудовища, какими ты их себе представляешь. Они такие же люди, как ты. Только у них есть мозги.

ДЖЕЙНИ. Извини, что у меня плохой вкус и не могу я поклоняться этой гротескному сборищу фашиствующих кретинов, которым ты с такой легкостью вверяешь убийство своих детей.

СОНЯ. У меня детей нет.

ДЖЕЙНИ. И это чертовски хорошо. Я надеюсь, у тебя их и не будет. И я не собираюсь иметь детей, если им придется расти в мире, который будет управляться такими, как ты.

СОНЯ (*обращаясь к зрителям*). Тот факт, что я до сих пор не забила мой сестру Джейни до смерти каким-нибудь тупым предметом и есть неопровержимое доказательство искренности моей любви к ней.

ПРЕТОРИУС (*спокойно*). Соня.

2

(Сдерживая злость к ДЖЕЙНИ и нервно поглядывая на отца, продолжает свою речь с натужной веселостью).

СОНЯ. Иногда я провожу интересные эксперименты со статическим электричеством, заставляя волосы у маленькой Сюзи вставать дыбом или что-то в этом роде. Так что могу соперничать со многими фокусниками. Есть у меня эксперимент, доказывающий полную безопасность плутония, который можно подержать на ладони. Это правда, подержать можно, да только потом в руке появится дыра, диаметром с монету в пятьдесят центов. Тогда вы сможете плакать, закрыв лицо руками, и все равно видеть мужчин, спешащих вам на помощь.

(Она показывает, как это делается, когда входит НОФСИНГЕР и садится за письменный стол, работает).

СОНЯ. Шучу. Так я удерживаю вас на своей стороне – показываю, что есть у меня чувство юмора. Доверьтесь мне. Вы платили бы мне такие деньги, если б я не знала, что делаю? Люди, на которых я работаю, управляют не благотворительным фондом. Они – добропорядочные американские капиталисты. Это не Красный крест. И позвольте заверить вас, вы в полной безопасности, проживая под сенью этой восхитительной атомной электростанции, которую мы построили на этой территории, нравилось вам это или нет. Вы, несомненно, слышали от этих безумцев ничем не подкрепленные обвинения в опасности таких электростанций. Я не собираюсь никого оскорблять, я не уверена, что смогу кого-либо оскорбить, даже если бы захотела, но у большинства из этих людей серого вещества еще меньше, чем у моей сестры, и внешне они такие невзрачные. В отличие от меня. Разумеется, меня наняли за обширные научные знания, а не за крепкие ягодицы или пухлые, чувственные губы. Главное – не они, а слова, которые слетают с них. С моих губ. Они с легкостью могли бы нанять карлика весом в четыре сотни фунтов, или Человека-Слона, если бы он обладал интеллектуальными способностями и красноречием, сравнимыми с моими.

НОФСИНГЕР *(говорит, продолжая работать)*. Мы наняли тебя, потому что ты хороша.

СОНЯ. Тогда почему вы никогда меня не слушаете?

НОФСИНГЕР. М-м-м-м?..

СОНЯ. Я сказала...

НОФСИНГЕР. Я слушаю. Говори. Только быстро.

СОНЯ. Вы не собираетесь арестовать всех этих людей?

НОФСИНГЕР. Не понимаю, зачем.

СОНЯ. Они блокируют въезд на территорию атомной станции.

НОФСИНГЕР. Оставь их в покое. Мне нравится их присутствие.

СОНЯ. Но их снимают телевизионщики.

НОФСИНГЕР. Хорошо. Чем больше они привлекают к себе внимания, тем глупее выглядят.

СОНЯ. Ты не думаешь, что это сработает против нас?

НОФСИНГЕР. Есть что-то невероятно нелепое в толпе взрослых людей, которые ходят по кругу с плакатами и скандируют лозунги. Они выглядят, как персонажи карикатур с маленькими кругами над головами, в которые заключены их слова. Чем тупее лозунги, чем лучше. И как хорошо, когда они приковывают себя цепями. Выглядят такими жалкими, особенно если мы благожелательно им улыбаемся и проходим мимо.

СОНЯ. Ты не думаешь, что эти цепи добавляют им сочувствия?

НОФСИНГЕР. Только со стороны тех, кто с ними заодно. А когда добропорядочные обычные люди приходят домой, честно отработав целый день, включают телевизор и видят

этих чокнутых, которые ведут себя, как четырехлетние дети, нам это только помогает. Демонстрации наиболее эффективно демонстрируют глупость демонстрантов. Первый закон Нофсингера. Мне нравится твои волосы. Выглядят естественно. Мне нравится.

СОНЯ. Далее, мне задавали множество сложных вопросов насчет плана эвакуации.

НОФСИНГЕР. В смысле?

СОНЯ. Они говорят, что безопасного способа выбраться из этого района нет.

НОФСИНГЕР. Мы предложили идеальный план.

СОНЯ. Они полагают его тупым.

НОФСИНГЕР. Они – свора невежественных, истеричных кретинков. Что он них можно ожидать?

СОНЯ. Они говорят, что план не работает.

НОФСИНГЕР. Они пробовали им воспользоваться?

СОНЯ. Нет, конечно.

НОФСИНГЕР. Тогда откуда они знают, что он не работает?

СОНЯ. Мы тоже не пробовали.

НОФСИНГЕР. Мы знаем, что он работает.

СОНЯ. И откуда мы это знаем?

НОФСИНГЕР. Знаешь, мы потратили целое состояние на подготовку этого чертова плана, а он нам никогда не понадобится.

СОНЯ. Тогда почему мы потратили эти деньги?

НОФСИНГЕР. Потому что те самые идиоты, которые считают, что наш план не работает, раньше визжали из-за отсутствия эвакуационного плана, поэтому мы его подготовили. Потом они визжали, что он очень дорогой. Теперь визжат, что он не работает.

СОНЯ. Проблема в том, что я должна объяснить это людям так, чтобы у них не осталось никаких вопросов.

НОФСИНГЕР. И что? Объясняй. Это твоя работа, так?

СОНЯ. Но нет у меня уверенности, что даже я понимаю этот план.

НОФСИНГЕР. Так внимательно его изучи. Ты далеко не глупа.

СОНЯ. Я его изучала.

НОФСИНГЕР. Не понимаю, что там сложного. Есть дороги. Люди могут ими воспользоваться.

СОНЯ. А как насчет тех, у кого нет автомобилей?

НОФСИНГЕР. Для них предусмотрен автобус.

СОНЯ. А кто сядет за руль автобуса?

НОФСИНГЕР. Водитель, естественно. У нас много водителей автобусов.

СОНЯ. Но откуда нам знать, что в случае чрезвычайной ситуации на атомной станции, водители автобусов согласятся возвращаться в радиоактивную зону, чтобы вывозить людей, рискуя собственной жизнью?

НОФСИНГЕР. Это их работа.

СОНЯ. Вот уж нет.

НОФСИНГЕР. Мы сможем вызвать Национальную гвардию.

СОНЯ. Не думаю, что радиация будет дожидаться национальную гвардию. И как они доберутся до автобусов. Автобусы будут разбросаны по территории, выполняя обычные рейсы, так?

НОФСИНГЕР. Соню, ты знаешь, залог успеха в отношениях с общественностью – постоянный позитивный настрой, несмотря ни на что. Американцы такие изобретательные. Они всегда находят выход в случае кризиса. Вы верим, если возникнут проблемы на атомной станции, что крайне маловероятно, наши люди докажут, что они мужественные и неэгоистичные. Как насчет этого?

СОНЯ. Но не следует проверить наш план на практике?

НОФСИНГЕР. Что-то вроде учебной пожарной тревоги? Ты знаешь, сколько это будет стоить? А кроме того, Господи, какая получится неразбериха. Плохой пиар, Соня.

СОНЯ. Но если учебная эвакуация выльется в неразбериху, что будет, если возникнет необходимость реальной эвакуации?

НОФСИНГЕР. Если нам повезет, мы этого никогда не узнаем.

СОНЯ. А если не повезет?

НОФСИНГЕР. Знаешь, Соня, ты сегодня потрясающе выглядишь. Ты – невероятно красивая молодая женщина. Я тебе когда-нибудь это говорил?

СОНЯ. Да, говорил, но что насчет плана эвакуации?

НОФСИНГЕР. Учебная эвакуация приведет к нервозности, а мы меньше всего хотим усиления панических настроений. Просто выйди к ним, надень что-то красивое, продемонстрируй свою фигуру, когда будешь говорить с ними, улыбнись. Они растают, как масло. Я знаю, тебе это по силам.

СОНЯ. Не думаю я, что этого хватит. Я должна им что-то сказать. И я могу говорить убедительно, если знаю, о чем говорю.

НОФСИНГЕР. Ты говоришь прекрасно. Ты все делаешь прекрасно. Поэтому мы тебя и наняли.

СОНЯ. Вы наняли меня, потому что лучшего специалиста вам не найти.

НОФСИНГЕР. Безусловно. Пообедаешь со мной?

СОНЯ. Только если мы продолжим этот разговор. Меня действительно очень тревожит...

НОФСИНГЕР. Черт, совершенно забыл, что сегодня у меня встреча с одним говнюком из Комиссии по атомному регулированию. Должен умяснить старого козла. Но мы пообедаем в самом скором времени.

(Забирает со стола какие-то бумаги и уходит).

ДЖЕЙНИ. Отличный парень, Соня. Как раз в твоём вкусе, так?

3

(Демонстративно игнорируя ДЖЕЙНИ и обращаясь к зрительному залу).

СОНЯ. Эйнштейн гулял там, где я резвилась, как ребенок. Когда у меня было время резвиться. Потому что по большей части я была маленькой мамой для Джейни и маленькой женой для папы. Джордж Гамов¹ уводил меня в бесконечность. Я отправлялась на Марс с Эдгаром Райсом Берроузом и Робертом Хайнлайном. Я летала на Луну с дядей Уолтером, но Марс мне нравился гораздо больше. У меня в голове сложилась четкая картина Марса: разлитая в воздухе краснота, приковывающие взгляд замки марсиан, их искусство, музыка и театр, страсти марсианских влюбленных. Марсиане были такими же, как мы, только гораздо более красивыми. Я шагала по их древним городам, плакала по умершим марсианам, тайком писала целые тома неистовой, наполненной призраками марсианской поэзии. Но едва мама умерла, обязанности все большей грудой наваливались на мои хрупкие плечи, так что постепенно мне пришлось отказаться от всего, что я любила, запереть марсианскую поэзию в башню, расположенную в дальнем уголке моего разума, и сосредоточиться на заботе о сестре и отце и науке. Я училась, не жалея сил и времени. Вызубрила таблицу Менделеева. Подружилась с логарифмами. В шестнадцать лет могла объяснить теорию относительности. Хотя бы отчасти. Но исследования обостряли чувство одиночества, а учительство навевало грусть, поэтому я стала той женщиной, которую вы сейчас видите перед собой. Мой голос ласкает слух, внешность радует глаз, и ваши друзья в электросбытовой компании счастливы, что могут отправить меня на встречу с вами. Я продолжаю работу моего отца, помогая таким хорошим, добропорядочным обычным людям, как вы, понять ее. Хотя бы отчасти. То, что я делаю, занятие благородное. Я несу вам правду. Я несу вам знания. Мой отец сказал: «Да будет свет», – и свет вспыхнул.

ПРЕТОРИУС *(со своего кресла)*. Насчет света не нужно, пожалуйста.

СОНЯ. Что не так, папа?

ПРЕТОРИУС. Все так. Но свет режет мне глаза.

СОНЯ. Ты слишком много работаешь.

ПРЕТОРИУС. Ты так думаешь?

СОНЯ. Тебе нужно отдохнуть.

ПРЕТОРИУС. Может, я и отдохну.

СОНЯ. Ты всегда так говоришь, но не отдыхаешь.

ПРЕТОРИУС. Нет у меня ощущения, что я слишком много работаю. Скорее...

СОНЯ. Скорее, что?

ПРЕТОРИУС. А как твоя работа?

СОНЯ. Все отлично.

ПРЕТОРИУС. Ты по-прежнему пишешь?

СОНЯ. Не так, чтобы очень. Нет. Я слишком занята настоящей работой.

ПРЕТОРИУС. Ты писала очень хорошо.

СОНЯ. Я думаю, сейчас делаю что-то более важное, что добавление нескольких тонких томиков в мировую библиотеку эзотерической поэзии. Такое занятие больше пристало бы Джейни, не будь она неграмотной.

ПРЕТОРИУС. Джейни вполне грамотная. Думаю, в последнее время она много писала. И рисовала.

СОНЯ. Чем бы дитя ни тешилось, лишь бы не болталось на улице. Я рада, что ты вновь с ней разговариваешь.

¹ В России больше известен как Георгий Антонович Гамов.

ПРЕТОРИУС. Я никогда не прекращал разговаривать с ней.

СОНЯ. Она прекращала разговаривать с тобой. Несколько раз.

ПРЕТОРИУС. Просто она заходила дальше, чем обычно, на какое-то время. А сейчас прекратилась в очень интересную молодую женщину.

СОНЯ. Я знаю. Помогала ей стать такой.

ПРЕТОРИУС. Я в курсе.

СОНЯ. И дожила до того, что сожалею об этом.

ПРЕТОРИУС. Ты не сожалеешь.

СОНЯ. Кое о чем сожалею. Особенно о той части нашей жизни, когда она научилась говорить. Думаю, это было нашей ошибкой.

ПРЕТОРИУС. Мне хочется, чтобы вы перестали при каждой встрече набрасываться друг на дружку.

СОНЯ. Она рассказала тебе о нашем последнем раунде, так?

ПРЕТОРИУС. Нет. Не рассказывала.

СОНЯ. Я думала, ей просто не терпелось это сделать.

ПРЕТОРИУС. Твоя сестра любит тебя.

СОНЯ. В последнее время ты что-то очень печальный.

ПРЕТОРИУС. Все у меня хорошо.

СОНЯ. Может, тебе надо чаще встречаться с женщинами?

ПРЕТОРИУС. Я встречаюсь с женщинами.

(Появляется РУТ, садится за письменный стол, начинает работать).

СОНЯ. И когда ты встречаешься с женщинами?

ПРЕТОРИУС. Буквально на днях встретил очень интересную женщину.

СОНЯ. Ты хочешь сказать, что без моего ведома ходишь на свидания? Папуля, как тебе не стыдно.

ПРЕТОРИУС. На свидания я с ней не хожу. Встретил лишь однажды.

СОНЯ. Почему ты о ней не говорил? Кто она?

ПРЕТОРИУС. Она работает у нас. Долгие годы пишет служебные записки для моего отдела. Это трудно объяснить. Она работает в подвале.

СОНЯ. Ты встретил женщину, которая живет в подвале и пишет служебные записки. Поэтому ты в последнее время такой грустный?

ПРЕТОРИУС. Я не грустный. Просто думаю кое о чем.

СОНЯ. О чем именно?

4

(ПРЕТОРИУС берет потрепанный портфель и подходит к РУТ).

ПРЕТОРИУС. Прошу извинить. Я ищу мистеру Хойи?

РУТ. Нет здесь мистера Хойи.

ПРЕТОРИУС. Конечно, есть.

РУТ. Заверяю вас – нет.

ПРЕТОРИУС. Я знаю, должен быть мистер Хойи. Это какая-то ошибка...

РУТ. Мистер Хойи существовал, и он был ошибкой, но, к счастью, он умер.

ПРЕТОРИУС. Мистер Хойи умер?

РУТ. Отдал концы на песчаной ловушке. Впрочем, в гольф он играл отвратительно. Чем я могу вам помочь?

ПРЕТОРИУС. Даже не знаю. Мистер Хойи несколько лет писал мне аналитические записки.

РУТ. Их писала я. Я – Эр-Хойи. Рут. Мистер Хойи был моим мужем. Мы развелись. Сначала развелись, потом он умер, возможно, от облегчения. Он работал биржевым брокером и по совместительству говнюком. Я писала вам аналитические записки.

ПРЕТОРИУС. Ох, извините, я...

РУТ. Да, вы думали, что я – моя секретарша, ха-ха, но, те, кто пишет такие аналитические записки, обходятся без секретарш. Мы считаем, что нам повезло, если у нас есть письменный стол. А теперь, давайте закончим этот сексистский треп. Что я могу для вас сделать?

ПРЕТОРИУС. Я – Джон Преториус.

РУТ. Я знаю, кто вы.

ПРЕТОРИУС. Я читал ваши аналитические записки.

РУТ. У меня просто сердце замирает.

ПРЕТОРИУС. Простите?

РУТ. Послушайте, моя работа – следить за безопасностью и сообщать, что я обнаруживаю. Именно это я и делаю. Вам что-то не нравится в моей работе?

ПРЕТОРИУС. Нет, нет, по поводу вашей работы вопросов у меня нет. Но я навел справки, и оказалось, что все ваши аналитические записки остаются без внимания. Никто ничего не предпринимает.

РУТ. Насколько мне известно, никто никогда ничего не предпринимал, и если это не давало вам уснуть, теперь вы можете спать спокойно.

ПРЕТОРИУС. Вас это не тревожит?

РУТ. Мне без разницы, спите вы или нет.

ПРЕТОРИУС. Вас не тревожит, что никто не обращает внимания на ваши аналитические записки?

РУТ. Вы пришли, чтобы уволить меня?

ПРЕТОРИУС. Нет, из любопытства.

РУТ. Почему?

ПРЕТОРИУС. Я – ученый. Могу быть любопытным, если возникает такое желание. Вы ничего не имеете против?

РУТ. Ладно, не заводитесь. Я просто спрашиваю. Раз вас разобрало любопытство начет меня, мне любопытно, почему вы такой любопытный?

ПРЕТОРИУС. Что происходит после того, как вы пишете эти записки?

РУТ. Я отправляю их таким людям, как вы, а один экземпляр оставляю в своем архиве.

ПРЕТОРИУС. И что потом?

РУТ. Пишу новые аналитические записки.

ПРЕТОРИУС. И все?

РУТ. И все. Я не думаю, что их кто-нибудь читает, но, если вы говорите правду, такой человек есть. Иногда я получаю слова благодарности. Полагаю, от людей, которые хотят, чтобы все выглядело так, будто они прочитали написанное мною. От вас я благодарности не получала, поэтому предполагала, что вы отправляете мои записки в шредер, как и все прочие.

ПРЕТОРИУС (*открывает портфель, достает толстую пачку документов, кладет на стол РУТ*). Вот ваши аналитические записки. Отчеты по безопасности за последние шесть лет.

РУТ. Господи Иисусе, это же мое собрание сочинений. Я потрясена. Что вы собираетесь с этим делать? Использовать для растопки костра, на котором меня сожгут?

ПРЕТОРИУС. Моя секретарша складывала их долгие годы. Я заметил одну вашу записку на ее столе и спросил, что это, вот она и показала мне остальные. Мой предшественник попросил ее убирать их в шкаф при поступлении, а она решила, что и я того же мнения. Поэтому я унес все ваши аналитические записки в свой кабинет и изучал их последние две недели.

РУТ. Так вы пришли, чтобы уволить меня. Я это знала.

ПРЕТОРИУС. Вы документально подтверждаете серьезные недоработки и нарушения безопасности на атомных электростанциях по всей стране и убедительно доказываете, что в документах, которые передаются средствам массовой информации, опасность ядерной катастрофы на нескольких из этих атомных станциях серьезно преуменьшена, как и оценки возможных жертв и разрушений. Правильно ли я трактую результаты ваших изысканий?

РУТ. Я думала, они пошлют какую-нибудь пешку, может, обойдутся жесткой служебным меморандумом. Даже представить себе не могла, что это будет такая большая шишка, как вы. Это не выстрел из пушки по воробью?

ПРЕТОРИУС. Если вы думаете, что эти атомные станции небезопасны, почему вы никому об этом не говорили?

РУТ. Я говорила многим.

ПРЕТОРИУС. Почему вы не говорили тем, кто бы вас выслушал?

РУТ. Моя работа – писать эти аналитические записки, а не устраивать пресс-конференции и демонстрировать ямочки на щеках, как ваша дочь. Это вы, руководство, должно решить, как поступать с этой информацией.

ПРЕТОРИУС. А вам без разницы?

РУТ. Послушайте, док, вас интересует мое мнение? Так вот, по моему мнению, любой, кто живет рядом с одной из этих чертовых атомных станций, выжил из ума, или чрезвычайно глуп. Впрочем, как я понимаю, такие люди, как вы, хотят, чтобы такие, как я, были глупцами. Мне собирать вещи прямо сейчас или я могу доработать этот месяц?

ПРЕТОРИУС. Я здесь не для того, чтобы уволить вас. Нет у меня власти увольнять вас.

РУТ. Вы можете обратиться к моему непосредственному начальнику, и он уволит меня по первому вашему слову.

ПРЕТОРИУС. А кто ваш непосредственный начальник?

РУТ. Не знаю. Какой-то самовлюбленный недоумок. Таблички с именами на двери его кабинета постоянно меняются, но им на все наплевать, если я не высовываюсь.

ПРЕТОРИУС. Вас это не раздражает?

РУТ. Моя личная жизнь не должна вас интересовать.

ПРЕТОРИУС. То есть вам без разницы, что вы нашли сотни серьезных нарушений безопасности, не говоря уже об откровенной лжи, но никто не принимает никаких мер?

РУТ. Почему-то все должности, на которых можно что-то сделать, занимают люди, заинтересованные только в одном: ничего не делать. И если вы не собираетесь меня увольнять, какого черта вы сюда пришли? У меня перерыв на обед, длится он только час, поэтому, пожалуйста, постарайтесь ответить коротко.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.